

Злюся
Романов

ВЫПЬЕМ

за разбег

Злюся Романова
Выпьем за развод

«Автор»

2026

Романова З.

Выпьём за развод / З. Романова — «Автор», 2026

— Ну, раз ясно — тут же подала голос любовница мужа, — было бы правильно, если бы вы, Надежда Ивановна, освободили номер для меня и Толи. Тут я просто расхохоталась в голос от такой наглости. Смеюсь прямо до слёз. Вообще обнаглела! — А дом и квартиру, может, тоже сразу освободить? — всё ещё смеюсь, спросила я. — Было бы неплохо, — тут же отозвалась она. На нас уже начали поглядывать не только сотрудники отеля, но и гости. Конечно, такой спектакль Тут к гадалке не ходи, всё как на ладони. Толя подметил повышенный интерес к нам и начал кипятиваться, еле сдерживая себя. — Надя, давай не будем устраивать тут цирк. Разойдёмся мирно — А давай, — перебила я его. — Устроим цирк Толя ошарашенно уставился на меня, пытаюсь осмыслить сказанное, Инна напряглась, глупо захлопав глазами, а я Тридцать лет брака — тридцать лет тихого компромисса. Надя, образцовая жена, мирилась с брюзгливым, но «надёжным» мужем. Всё рушится в тот день, когда она узнаёт об измене.

© Романова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Злюся Романова

Выпьём за развод

Глава 1

Я встала сегодня пораньше. Конец лета, август — самое время для заготовок, и на сегодня у меня грандиозные планы. И первое, о чём я подумала, глядя в окно на огород, — ПОМИ-ДОРЫ.

В этом году они уродились на славу — ровные, алые, тяжёлые гроздья, так и просящиеся в банку. Обожаю это неспешное, почти медитативное дело: стерилизованные банки, звон ложки о стекло, пряный аромат укропа и гвоздики. Зимой, открыв такую баночку, мы с Толей словно распечатаем кусочек лета.

Вытираю со лба выступившие капельки пота и с тихим удовлетворением оглядываю стол, уставленный ровными рядами солений. Ловлю себя на мысли: какая я всё-таки рукодельница. На часах почти час, а я уже почти управилась. И вдруг, слышу знакомый шум шин по гравиию. Неужели Толя вернулся с работы? Сейчас только середина дня.

Подхожу к окну и вижу, как он медленно выходит из машины. Даже по спине, по тому, как он расправляет плечи, видно — день выдался непростой. Лицо, когда он поворачивается, смурное, затянутое привычной напряжённой маской. Мой муж, Анатолий Владимирович Ежов, уже много лет держит на своих плечах огромную ответственность директора по снабжению. Я знаю, каково это — наблюдаю уже больше двадцати лет. Его работа съедает нервы, но и даёт нам эту жизнь: уютный двухэтажный дом под Новосибирском, две машины у ворот, квартиру в городе. Без его вклада моя учительская зарплата, конечно, не потянула бы такое хозяйство, и я всегда это ценила.

Дверь открывается, и на пороге появляется он сам, мой Толя. Воздух с улицы врывается в кухню, пахнувший нагретыми солнцем цветами и его парфюмом, который он вечно выливает на себя без какой-либо меры.

— Привет, — встречаю его улыбкой. — Что с лицом, дорогой? Устал?

— Лицо как лицо, — отмахивается он, первым делом расстегивая воротничок рубашки. — Жара сегодня адская, плюс тридцать пять. В офисе духота, в машине — сауна.

— Так у тебя, что в кабинете, что в машине кондиционеры.

— А толку — будто и нет их, — ворчит он.

— Ты сегодня рано, — замечаю я, протягивая ему стакан холодного морса.

— Ну и что? — отвечает он, и в его тоне проскальзывает та самая, ставшая уже родной, нотка раздражения.

Характер у Толи всегда был не сахар, а с годами, после пятидесяти, в нём проступили какие-то новые, колючие грани. То суп пересолен, то кофе остыл, то сквозняк из окна, то, наоборот, душно. Раньше я относилась к этому с мягкой иронией, списывая на усталость.

Но в последнее время...

В последнее время мне всё чаще хочется не глубоко вдохнуть, как меня учили на курсах по стрессоустойчивости (а за двадцать лет в школе я стала в этом настоящим асом), а схватить со стола самый красивый, самый алый помидор и швырнуть им в эту самодовольную, вечно недовольную мину.

Но я лишь тихо выдыхаю.

— Пойду сполоснусь, — буркнул Толя, оставив недопитый стакан, и тяжело поднялся по лестнице на второй этаж.

Остаюсь на кухне одна, и мысли, как водится, плавно возвращаются к дому. Летом мы живём здесь, в загородном доме. На наших 120 квадратах и 12 сотках счастья, как мы когда-то шутили. Дом добротный, на века: тёплый сруб, просторная кухня-гостиная на первом этаже и три спальни на втором. Когда-то здесь постоянно звучали смех и топот детских ног. Теперь тише. Наш сын Арсений давно вырос, женился на Розе и подарил нам главное сокровище — внучку Машеньку. Ей уже четыре, моей кареглазой кнопочке. Скучаю по ним постоянно. Сейчас они всей семьёй улетели в Турцию — Сене наконец-то дали отпуск. Как вернуться — сразу к нам.

Ох, как же я сама хочу к морю! Обожаю свой дом, свои грядки, этот запах смородинового листа в чашке, но иногда так мечтается просто упасть в шезлонг с коктейлем в руке и смотреть, как облака уплывают за горизонт. А Толе вечно что-то мешает: то аврал, то спина прихватит, то кости ломит, то срочная командировка.

Кстати, о командировках.

Их стало как-то слишком много в последнее время. Я понимаю, работа сложная, ответственная... Но его частые отлучки, да ещё вперемешку с этой постоянной нервозностью и раздражением, стали меня тревожить. Порой в голове возникают совсем уж нелепые мысли: а не погуливает ли от меня мой муженек? Но я тут же отгоняю их от себя. Ведь, если подумать, — ему и времени-то нет, одна работа. Какая тут любовница...

Пока Толя смывает с себя всё, что приволок с улицы, я уже быстрыми движениями нарезаю овощи на окрошку. Так, где у нас квас? Открываю холодильник, достаю «напиток богов». Обожаю я квас. Сама его делаю. Я вообще люблю готовить. Если бы не пошла в педагогический, то точно отучилась бы на повара. Кухня меня любит. Могу приготовить практически любое блюдо, но всё-таки обожаю фантазировать. Как начну что-то смешивать и придумывать на глаз, так получается «просто божественно» — как любит говорить Сеня, причмокивая после моих кулинарных шедевров.

Сеня пошёл в отца и тоже закончил экономический факультет. Теперь работает в солидной компании на должности помощника финансового директора. Горжусь им. И Розой тоже горжусь. Умненькая женщина попалась моему Сене. Обожает моего сына, а что ещё матери нужно? Главное, чтобы её ребёнка любили. Вон, внучку какую нам подарила!

От мыслей меня отвлекают Толины шаги. Он спускается по лестнице. Тут тапок соскользнул, и он чуть было не упал.

— Опять полы дрянью какой-то намыла! — заворчал он.

— Да ты что, Толь? Обычной водой. Не выдумывай.

— Чуть шею себе не сломал.

— Ты бы без тапок ходил, и всё было бы хорошо, жара ведь.

— Сам решу, в чём ходить, — буркнул он. — Есть что-нибудь на обед?

— Есть окрошка.

— Отлично.

Он садится за стол. Я ставлю перед ним глубокую тарелку с окрошкой. Даже со стороны слюнки текут. Толя берёт первую ложку.

— Что-то не очень... — замечает он.

— Не досолила? — спрашиваю я.

Он продолжает бубнить, но окрошку всё-таки ест. «Несолено ему, вон всю тарелку умял», — думаю про себя я, забирая пустую посуду.

— Слушай, Надь, — начал Толя, откинувшись на спинку стула, — мне большую сумму нужно снять с общего счёта.

— Зачем? — удивилась я.

У нас с Толей совместный счёт в банке. Ну так завелось у нас изначально. При всём своём вредном характере, Толя не был скупердяем, и мы жили по принципу: его зарплата — это семейный бюджет, а моя — больше для моих «хотелок» и для души.

— Ну, надо мне, — не стал он пояснять.

— Толя, что значит, надо мне? Поясни уж.

— Слушай, да не хочу я ничего тебе пояснять, я что, мальчик перед тобой отчитываться? — начал горячиться он.

— Нет, ты мне муж, — спокойно ответила я. — Поэтому мне бы хотелось узнать, на что тебе деньги из семейного бюджета.

— Вообще-то это мои деньги, — тут же оборвал он.

— Как это?

— А вот так!

— Вот сейчас не поняла? — я села напротив него. — Столько лет были нашими, а теперь вдруг стали твоими?

— Именно так.

— Ничего не понимаю.

— Да куда уж тебе, — махнул он на меня рукой.

— Это ты сейчас что сделал? — мой самоконтроль начал давать сбой. — Нечего на меня махать, словно я муха!

— Да я так и знал, что с тобой каши не сваришь. Вот пришёл к тебе муж просить денег, ты можешь без всяких своих тараканов просто сказать: «Толя, без проблем»!

— Могу, конечно, — говорю я, стараясь держать себя в руках. — «Толя, без проблем». Снимай. Но сначала скажи, куда ты хочешь потратить эти деньги?

— Сюрприз я хочу сделать! Так понятнее? — снова начал горячиться он.

— Сюрприз? — переспросила я, ничего не понимая. — На годовщину, что ли? — вдруг меня озарила догадка.

— Ну, типа того.

Глава 2

У нас ведь скоро юбилей — жемчужная свадьба. Тридцать лет мы вместе.

Когда познакомились, были молодыми и зелёными студентами. Учились в одном институте, но на разных факультетах. И наверное, вряд ли бы познакомились, но судьба в буквальном смысле столкнула нас. Вернее, столкнула меня — в объятия Толи.

Я была старостой группы. Активистка до мозга костей.

Помню, в деканате дали задание подготовить стенгазету перед Девятым мая. Планировался конкурс. Ну, мы с девчонками и собрались в свободном кабинете после пар, начали творить. Хорошо у нас получалось. С нами училась девочка, которая закончила художественную школу. Она буквально за час такой шедевр нарисовала, что просто глаз не оторвать. Потом мы уж стихами дополнили газету. Получилось просто бесподобно.

«Девчонки, давайте в коридор вынесем, посмотрим, как она будет смотреться на стене!» — предложила я. Все согласились. Ведь разглядывать стенгазету со стола — это одно, а оценивать её на стене, где она будет конкурировать с другими работами, — совсем другое.

Мы вышли из кабинета и пошли в сторону деканата. Начали её прикладывать, крутить так и сяк, и всё получалось прекрасно. Но тут наша художница заметила: «Надо бы повыше забраться. Мы-то невысокие, и стенгазета, кажется, висит низковато».

И тут, словно по заказу, рядом оказалась стремянка. Работники меняли лампочки, и пока те отошли, мы быстренько придвинули её к стене. Подниматься вызвалась я — потому что единственная в тот день была в брюках, остальные шеголяли в юбках. В общем, решили, что с газетой наверх полезу именно я.

Я быстро забралась.

«Так, Надь, давай вон туда! — начали девчонки командовать хором. — Да неееет, левее! Теперь чуть выше!»

В этом «туда-сюда» я и не заметила, как стремянка неожиданно начала наклоняться. Сначала чуть-чуть, а потом так конкретно поехала на бок. Я взвизгнула, уже приготовившись к тому, что сейчас грохнусь на пол. Стремянка с грохотом упала, а я... оказалась в объятиях незнакомого парня.

— Не верещи, уже поймал, — пробурчал он.

— Спасибо, — пискнула я, ещё не пришедшая в себя.

Вот так и состоялось наше с Толей первое знакомство. Потом уже выяснилось, что он новенький и недавно перевёлся в институт.

На втором курсе мы поженились. Весёлая была свадьба. Толя выкупал меня прямо из общежития. Ну вот захотелось мне студенческого антуража по полной. Девчонки конкурсов напридумывали! Платье мне всем курсом шили, фату из тюля... Свадьба была летом, и мы праздновали её прямо в студгородке. Руководство института дало нам зелёный свет, но только чтобы без хулиганства. Всё было чинно и мирно. Кто-то притащил магнитофон, зажигали мы под Юру Шатунова, Апину и Андрюшу Губина. Было всего три кассеты, и они по очереди отработывали. Были смешные конкурсы, потом дошло дело и до игры под гитару. Сначала были только приглашённые гости, а потом подтянулись и другие ребята — просто для компании. Потому что атмосфера у нас была тёплая и дружная.

Заканчивала я институт уже на приличном сроке. И через четыре месяца у нас родился Сеня. Толя был просто рад до невозможности. Мы тогда жили у моих родителей. Он сам из Кемерово, а я коренная новосибирка. У родителей была большая «трёшка», так что места всем хватало. Отец на тот момент работал вахтой, и его практически не было дома. Мама одна помогала мне с Сеней. А Толя работал на двух работах, чтобы прокормить нас. «Я — мужик,

я справлюсь», — говорил он. А я верила в него. Потому что в обратное верить не было ни единой мысли.

Вынырнув из воспоминаний, я отметила, что мой чай остыл. Теперь его можно пить. Летом я пью только травяной, с собственного огорода. Завариваю лист чёрной смородины, чабрец и мяту. Аромат просто бесподобный, готова литрами его пить — так, впрочем, и делаю. А Толя пристрастился к кофе. Раньше, по молодости: что налью — то и пьёт. «Без разницы», — был его ответ.

А теперь... Что вы, что вы! Эспрессо нужно, обжарки особой, в нужной чашке, да ещё и с «правильным» выражением лица будьте добры подать.

И как давно он таким брюзгой стал? Ведь был нормальным парнем. Немного хмурым, немногословным, но без всяких этих заморочек. А как доходы пошли в гору, так и начал строить из себя шишку.

«Так, Надя, успокойся», — сказала я сама себе. Ну, дурит мужик, с кем не бывает. У всех есть свои тараканы, главное — знать, чем их накормить, чтобы не бесили сильно.»

Тут раздался звонок телефона.

На экране — моя подруга, Людмила. Знаю её лет уж пятнадцать. Познакомились случайно. После работы как-то забежала в ближайший салон красоты — причёску нужно было сделать к корпоративу. В тот день была её смена.

Я поначалу настороженно к ней отнеслась: вид у Людки был экстравагантный. Короткие тёмные волосы, а чёлка в светлых перышках, будто мелирование. И она такая решительно взяла в руки ножницы и — на меня. «Проходите, — говорит, — сейчас всё сделаю, аж закачаетесь». Я как увидела её перышки и эти ножницы, так дала было заднюю. Но она улыбнулась: «Не бойтесь, наведу такую красоту, что все ахнут». И она действительно оказалась отличным мастером. Правда, потом у неё началась сильная аллергия на все эти красящие средства, так что из салона красоты она уволилась и устроилась в турагентство. И втянулась! Теперь она начальница одного из филиалов «Райский отдых». А волосами моими она до сих пор занимается — по дружбе. А я её шалопая, Эдика, учу в пятом классе географии. Так что у нас практически взаимовыгодное сотрудничество и чистой воды женская дружба.

Людмила столько лет предлагает мне интересные путёвки, а я всё никак не соберусь. «Ну, этот Толя!!!», — мысленно я кинула помидор в лицо своему мужу.

Ну, вот что за человек! Приехал, помылся, поел — и умотал на «важную встречу». Как будто тут ему не дом родной, а гостиница. Вот приедет — и всё-таки дожду его насчёт поездки на море. Скоро лето закончится, начнётся учебный год, а я хочу пальмы, шезлонг и коктейль. И море. Много моря...

Я приняла вызов.

— Привет, Людок!

— Здравствуй, Надь, — немного грустно ответила она.

— Что с голосом?

— Надюш, новости плохие у меня для тебя.

— Не может быть...

— Может, дорогая. Может.

Я как услышала новость, так руки в руль и примчалась к ней на работу.

— Людок, это что получается...? — допивая вторую чашку чая, снова и снова спрашивала я у подруги.

А она всё снова и снова отвечала мне:

— Похоже, гуляет от тебя твой Толя.

— Да как такое возможно, Людок! Столько лет вместе. Я ведь каждую его морщинку знаю, каждую родинку помню... Я столько лет терплю его характер. А он...

— А он летит на Бали, — продолжила Люда.

— С какой-то там... как её, Людок...

— Сидорова Инна Аркадьевна, — снова посмотрела она в данные на компьютере.

— Вот с этой Сидоровой... Кстати, — задумалась я, — что-то фамилия знакомая.

— Ты знаешь её? — заинтересовалась Люда.

— Может, и знаю. Но так, чтобы сразу сориентироваться, не могу. Хотя фамилия знакома.

— Да, может, тебе просто кажется. Фамилия очень распространённая...

— Ну, может, ты и права... Хотя, какая теперь разница. Вот же скотина, этот Ежов! Я же тридцать лет с ним, не год и не два. Половину жизни с ним провела. У него, значит, суставы и командировки, когда я прошу о море. А оказывается, у него такие планы! Да такие грандиозные — и все не со мной!

— Ох, Надь, да ведь все они... — И Людмила махнула рукой.

Она немного моложе меня, но в свои 47 тоже успела испытать предательство мужа. Жили не тужили лет пятнадцать, а как Люда забеременела и родила, так её Игорёк сказал, что не нужны ему ни она, ни сын, и ушёл.

Поначалу врал, что никого у него нет, а потом выяснилось, что «никого» — это тощая брюнетка из соседнего двора. Вот так. И воспитывает Люда своего долгожданного Эдика уже 12 лет одна. А бывший муж — то с брюнеткой, то с блондинкой был, пока не смылся в неизвестном направлении. Мужа нет, алиментов нет. Теперь Люда про мужчин вообще слышать ничего не хочет. Есть у неё какой-то там Стас, с которым она изредка встречается «для здоровья», да и то говорит, что надоел он ей, пора разрывать эту бестолковую связь.

Мы посидели, помолчали, повспоминали своих мужей. Людмила — бывшего, я — пока ещё своего. Разводиться, наверное, буду. Но сначала обдумаю всё как следует. Я человек степенный, мне разгон всегда нужен был. Но вот если разгонюсь, то остановить меня практически невозможно.

— Что делать-то будешь, подруга?

— Не знаю, — честно призналась я. — У меня тут вся жизнь с ног на голову перевернулась. Вот только несколько часов назад помидорам своим радовалась. Толю кормила крошкой, а потом... — вдруг меня осенило внезапное прозрение. — Так! Людок, ну-ка, скажи мне, сколько путёвки эти стоят?

Люда снова уткнулась в монитор.

— Так, смотри, отель... пять звёзд, всё включено, две недели, полный тюнинг... Так... триста двадцать тысяч.

— Сколько?! — ахнула я и прижала руки к груди.

— Триста двадцать.

— Ах он паразит!

— Ты чего, Надь?

— Ах он мерзавец... Значит, мне — кукиш с маслом, а ему — море, пальмы и шезлонг с коктейлем!

— Да поясни ты толком!

— Людок, ты представляешь, Толя сегодня просил снять с общего счёта 320 тысяч. Якобы на подарок мне на нашу годовщину. А оказывается... — я просто поверить не могла, что мой муж на такое способен. — Он решил на общие семейные деньги прокатиться со своей любовницей на Бали! Задницу, значит, погреть, а я тут, значит, должна его поджидать, окрошку готовить и дом убирать. Вот же паразит!

— А я тебе о чём говорю! — тут же завела Людмила свою пластинку. — Все они коз...

— Значит так, Людок... — перебила я её. — Можешь сделать вот что...?

Глава 3

Тень от дома вытянулась уже почти до теплицы, когда послышался знакомый хруст гравия. Я не повернула головы, продолжая поливать капусту. В голове, словно заевшая пластинка, бесконечно крутилась одна и та же фраза Люды: «Триста двадцать тысяч. Всё включено. Две недели. Бали».

Толя вышел из машины. Даже краем глаза я видела, как он тяжело захлопнул дверцу и двинулся к дому, не глядя в сторону огорода. Хмурый, весь сжатый в комок раздражения, как будто не домой вернулся, а на каторгу явился.

Сегодня это не вызвало во мне привычного желания вздохнуть и сгладить углы. Вместо этого внутри зашевелилось что-то такое, что лучше ко мне не подходит.

Пока Толя хозяйничал в доме, я закончила поливать капусту и перешла со шлангом к кустам смородины.

Тут я услышала шаги за спиной.

— А ужин где? — спросил он без предисловий, и в голосе послышалось недовольство. Ни тебе «здравствуй», ни «как поживаешь, дорогая жена».

— Не готовила, — ответила я спокойно, заканчивая поливать смородину и переходя поближе к малине. Сказала это так просто, насколько хватало моей выдержки.

Он замер на секунду, будто не расслышал.

— Как это не готовила?

— Ну вот так... не успела.

— Как это не успела? Ты целый день чем занималась? — его тон начал набирать обороты.

— Помидорами, — начала я пояснять. — Потом уборкой в доме. Потом огородом, — перечислила я, стараясь не смотреть на него.

— А сготовить времени не нашла? Я целый день пашу, а ты тут от безделья маешься!

Раньше эта интонация заставляла меня оправдываться, суетиться, хвататься за сковородку. Сейчас я почувствовала, как во мне начинает накаляться вулкан. Я повернула к нему лицо. Посмотрела на его раздражённое лицо, на привычно сжатые губы. На человека, который тридцать лет ел мой борщ, называл «своей Надёнкой», а теперь предъявлял претензии.

— Да, не нашла, — подтвердила я. — Холодильник не пустой. Найдешь, что поесть.

— Ты невыносимая совсем стала! — начал он повышать голос.

— Какая есть, — ответила я.

И по его лицу было видно, что он в шоке: как от того, что я впервые за тридцать лет не приготовила ужин, так и от того, что вместо оправданий ещё смею «дерзить». Он пробурчал что-то себе под нос, развернулся и вернулся в дом. Я закончила поливать кусты и тоже вернулась внутрь.

Толя лазил в холодильнике, что-то бурча себе под нос. Видимо, миллионное недовольство своей женой. Потом достал остатки крошки, залил её квасом и сел за стол. Поев и, видимо, пообдев, он повернулся ко мне, и его лицо внезапно приняло озабоченно-деловое выражение, которое обычно предвещало разговор о «серьёзных материях».

— Кстати, Надь, насчёт юбилея, — начал он, отводя взгляд к окну. — Придётся перенести. У меня срочная командировка вырисовывается. Очень важная. На две недели. Как раз на наши даты попадает.

Я молчала, давая ему закончить спектакль.

— Клиент важный, контракт на крупную сумму, сама понимаешь, — он сделал жест рукой, словно отмахиваясь от возможных возражений. — Ничего не поделаешь. Работа. От неё наш хлеб. Так что праздник откладываем. Как вернусь, обязательно отметим. Шикарно отметим, обещаю.

Он посмотрел на меня, ожидая моего обычного покорного кивка, моего «как скажешь, дорогой», моих расспросов, когда бежать собирать его чемодан и положить ли таблетки от давления.

Я медленно подошла к столу, поправила край скатерти. Потом подняла на него глаза. И вместо вопросов о здоровье или о чемодане спросила совсем другое. Голос у меня был тихий, но на удивление ровный.

— На две недели, говоришь? И куда же, если не секрет, эта важная командировка?

Он моргнул, немного сбитый с толку моим тоном и неожиданным интересом к географии.

— В... в Сочи, в основном. Может, ещё куда бросят по делам. Не угадаешь, — ответил он, уже чуть менее уверенно.

— Ага, — многозначительно сказала я. — В Сочи, говоришь...

— Ты там давай не надумывай всякое, — тут же решил он успокоить мою подозрительность.

— Да я и не надумываю. В Сочи, так в Сочи. Только я с тобой поеду.

— Как со мной?

— А вот так. Что мне тут одной делать?

— Я вообще-то не отдыхать еду, а работать!

— Ну так и работай. Я тебе мешать не буду... буду на море ходить, на песочке греться.

Ты же знаешь, я без компании вполне могу.

— Это плохая идея, Надя.

— А мне кажется — просто замечательная. И главное, юбилей не пропадёт. Отметим его вдвоём в одном из сочинских ресторанчиков.

— Нет, ты точно ерунду говоришь! Ты совсем не понимаешь... Я еду работать!

— Ну так и работай.

— Да как я буду работать, если ты будешь рядом! — вспыхнул он.

— Как всегда работал. Как тридцать лет работал.

— Это другое! Ты что, думаешь, я один еду? Нас целая делегация! — совсем распыхнул он. — И что я буду один с женой, как подкаблучник...

— Тебе есть дело, что о тебе подумают? По-моему, тебе всегда было всё равно на мнение других.

— На мнение других — да, но не на мнение коллег! Мне с ними ещё работать! Что они подумают, что я мальчишка, от юбки оторваться не могу?!

— Ах, вон оно что... — А про себя думаю: «Ах ты, гад такой, от юбки значит оторваться моей хочешь, на уши мне сел? Значит, командировка у него в Сочи, а сам... Ну, я тебе, гад такой...». Но вместо этого, улыбнувшись, я сказала: — Ну ладно тогда. Нет так нет. Тогда я одна поеду.

— Куда? — удивился он.

— На море. К Сене в Турцию слетаю.

— А-а-а, вот это хорошая идея! — тут же вцепился он в шанс. — Конечно, слетай, ты ведь так давно мечтала о море.

«Ага, ухватился, значит, чёрт старый. Пока я в Турции буду, ты значит с какой-то бабой на Бали кости свои погреешь... Ну, я тебе устрою такой отдых... на всю жизнь запомнишь», — пронеслось у меня в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.